

УДК 81-13

О ЯЗЫКЕ ГУННОВ*

Г. Дёрфер, профессор, доктор

А знать нам ничего, я вижу, не дано!

И этой думаю все сердце сожжено.

Гёте. «Фауст»

Мы не будем заниматься всеми этими обширными проблемами, а ограничимся гуннами эпохи Аттилы и империи Аттилы, ну скажем, Паннонией V в. До тех пор пока мы не в состоянии, например, сравнить язык гуннов Птолема с языком гуннов Приска, мы также не можем ничего знать об их идентичности; то же самое верно и в отношении кавказских гуннов VI в.

§ 10. Однако даже ограничившись европейскими гуннами, мы сталкиваемся с множеством вопросов. Но поднимать эти вопросы (и видеть эти проблемы) можно лишь при условии, что мы предварительно выработаем четкие понятия. Поэтому в последующем изложении я буду стремиться различать:

а) названия языков; пример: английский язык хотя и является языком нескольких народов (англичане, североамериканцы и т.д.), это название представляет собой монолитный термин, т.е. обозначает несмотря на диалектные различия нечто по своей сути единое, цельное. Далее, это название и диахронно и синхронно (английский язык существовал ранее и существует ныне), оно подлинно (это, действительно, то название, English, которым англосаксы пользуются сами). Слова «англосаксонский» и «англосакс» также могли бы, конечно, быть обозначением языка и его носителя;

б) этнонимы; пример: англичане. Здесь применимы те же определения, что и в отношении названий языков (синхронны и диахронны, подлинны, монолитны). Но все же посредством этнонимов обозначают национальные, а не языковые общности;

в) названия государств; примеры: Великобритания, Швейцария. Синхронны и диахронны, подлинны, но не (обязательно) монолитны (могут при необходимости включать целый ряд языков и народов). То же относится к словам «британец», «швейцарец»;

г) «странствующие» названия; примеры: пруссаки, французы, болгары. Эти названия возникли в результате исторических контактов, но теперь уже утратили по сути дела свое прежнее значение. (Пруссаки уже не балты, французы – не франки, болгары – не болгары-тюрки). Они диахронны по своему происхождению, подлинны, не обязательно (но часто) монолитны;

д) собирательные названия: синхронны, неподлинны, немоналитны. «Неподлинны» они постольку, поскольку не имеют никакой опоры в самоназваниях соответствующих народов (или языковых общностей), а основаны на невежестве или безразличии по отношению к источникам. Так, все британцы (включая шотландцев, валлийцев и т.д.) в Германии часто обозначаются словом, соответствующим

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. – 2011, № 4.

русскому «англичане». Нередко эти собирательные названия оказываются следствием того, что этноним преобладающего элемента в государстве ошибочно используется в качестве названия государства (точнее, в качестве обозначения гражданина государства). Подобное явление имеет, например, место тогда, когда в наши времена граждан СССР называют «русскими», в противоположность этому слово «россиянин» в применении, например, к украинцу в дореволюционной России было как будто правильным обозначением гражданина страны. Но иначе обстоит дело опять-таки с обозначением «болгарин». Разумеется, оно постольку «неверно», поскольку болгары не являются болгаро-тюрками; но это – корректное самоназвание, а потому – «странствующее» название; последнее могло раньше использоваться иностранцами также и в качестве собирательного названия. Преобладающий элемент совсем не обязательно должен быть самым многочисленным;

е) переносное название: диахронно, неподлинно. Такие обозначения являются следствием того, что названия народов, известных с глубокой древности, переносились (вследствие невежества, безразличного отношения или с целью сознательного уничтожения) на народы, которые были похожими на известные ранее народы, вышли из той же самой страны и т.п. Подобные переносные названия встречаются часто как раз в византийской литературе. Так, слово *Σκυθαι* (скифы) обозначает⁴² гуннов Аттилы, кутригуров, утигуров, оногуров, тюрков (которые, собственно говоря, должны бы были именоваться *Τουρκοί*), авар, хазар, болгар, венгров, печенегов, узов, команов, сельджуков, монголов, османов, а также готов, славян, русских⁴³ (и, конечно же, самих скифов). Название *Τουρκοί*, *türk*, с другой стороны, обозначает не только древних тюрков, но и хазар, венгров, османов и т.д. (а, кроме того, в мусульманских источниках также мордву, остяков, тибетцев и

русских⁴⁴). Таким образом, одно и то же обозначение применяется по отношению к различным народам; и один и тот же народ предстает под различными названиями⁴⁵. Пример уничижительного переносного названия: во время первой мировой войны немцев называли «гуннами». Впрочем, провести границу между собирательными и переносными названиями часто бывает очень трудно;

ж) чужие названия: в источниках неоднократно появлялись такие обозначения, которые вообще не соответствуют самоназваниям тех или иных народов. Частично это объясняется тем, что какой-либо народ именовали по названию его составной части, с которым сначала знакомилась иностранцы (так, французы называют немцев *allemands* – алеманны, финны – *saksalaiset* – [нижне-]саксонцы). Однако встречаются также такие обозначения, которые теперь уже не имеют никакого отношения к соответствующим народам, будь то прозвища (т.е. презрительные обозначения, как например, самоед) или (редко встречающиеся) табуированные названия. В качестве табуированного я бы рассматривал и обозначение «татары» в отношении монголов XIII–XIV вв. в западных источниках. Хотя сами татары были, собственно говоря, истреблены (об этом см. ниже), их название стало общепринятым обозначением монголов, их заклятых врагов. Возможно, что его себе избрали сами монголы, с целью избежать возмездия со стороны божеств завоеванных стран (после истребления такого большого количества людей). По мнению Э.Хэниша⁴⁶, монголы, выдавая себя русским и другим народам за татар, отводили от себя ярость местных богов и направляли ее на вражеское племя⁴⁷. Разумеется, переносные названия также представляют собой чужие названия, однако они возникают в силу разных исторических причин;

з) случайное совпадение названий. Это явление встречается, возможно, не так уж часто, однако его следует

иметь в виду. Если две единицы фигурируют под одним и тем же или двумя похожими названиями, то это совсем не обязательно причинно (т.е. благодаря каким-либо контактам) обусловлено, а может быть следствием чистого совпадения. Примеры находим у О.Менхена-Хельфена⁴⁸: валлонцы и валлийцы, Венеция (по-немецки: Venedig) и страна венедов (venedi); автор приводит также ряд случаев, которые я бы отнес к числу странствующих или переносных названий. Примеры таких совпадений легко найти в любом перечне названий племен. Так, в «Эвенкийско-русском словаре»⁴⁹ приводятся такие названия родов, как алагир (ср. аланы), багдалид (ср. Багдад), кантагир (ср. Кантабрия). Но если могут полностью или частично совпадать названия явно неродственных народов, т.е. таких, которые очень уж удалены друг от друга географически, то, разумеется, никогда нельзя исключать, что могут совпадать и названия таких народов, которые (во времени один после другого) появлялись прилитоительно на одной и той же территории, т.е. например, названия Χουνοί II в. и Ούννοι V в.

§ 11. Мы, современные европейцы, в общем привыкли к устоявшимся понятиям и к однозначным этнонимам (например, итальянец, грек, швед); категории, содержание которых было раскрыто в пунктах а), б), в), нам очень хорошо известны, и мы слишком склонны к тому, чтобы во всех обстоятельствах оперировать только ими. Однако в древних (и не только восточных) источниках мы очень часто сталкиваемся с явлениями, которые отражены в менее устойчивых категориях, о которых речь шла в пунктах г), д), е), ж), з).

Так, например, в монгольском «Сокровенном сказании» (XIII в.) «монголами» именуется небольшое племя (из которого, кстати, вышел Чингисхан), т.е. там это этноним. В более поздних мусульманских источниках (в частности у Рашид ад-Дина, XIV в.) это слово употребляется в качестве названия та-

ких народов, которые говорили на том же языке, что и монголы (ойраты, татары и др., т.е. оно было уже названием языка), а с другой стороны, в отношении всех этих «монголов» иногда используется собирательное название «тюрки»⁵⁰. Однако вследствие исторических контактов слово «монголы» превратилось в «странствующее» название: у узбеков в Афганистане⁵¹ и у эвенков оно выступает как название родов (у последних, по Г.М.Василевич⁵²: момол, монго, монголи, мунгал; правда, здесь может также частично иметь место случайное совпадение). Конечно, в источниках XIII – XIV вв. слово «монголы» выступает также в качестве названия государства: так, «монгольские» воины Золотой Орды были в подавляющем большинстве тюрками⁵³, но тем не менее подданными Монгольской империи (следовательно, в этом случае это слово выступает одновременно и как собирательное название). Таким образом, если современное население Татарской АССР называют татарами, то это название возникло не по языку – во всяком случае в историческом аспекте. Однако под разными углами зрения это название можно толковать как странствующее, переносное и чужое.

Восточные названия очень часто многозначны. Так, халаджами называются, с одной стороны, тюркский народ в Центральном Иране, а с другой – еще и курдское племя в Северо-Восточном Иране. Автор настоящей работы собирал языковой материал у обеих разновидностей «халаджей». Какие-либо исторические контакты между теми и другими проследить не удастся. А потому неясно также, были ли халаджи, хильджи Индии тюрками или курдами, или это был какой-то третий народ. «Татарами» первоначально называлось небольшое говорящее по-монгольски племя, которое было уничтожено Чингисханом как этническая единица (только женщины и маленькие дети были оставлены в живых и затем ассимилирова-

ны); их название, перенесенное ныне на многие тюркские племена, является одновременно и странствующим и табуированным (чужим) (см. выше), например в русских источниках в применении к монголам XIII в. Часто бывает достаточно незначительного контакта между племенами, чтобы название начало «странствовать», часто бывает достаточно самых незначительных исторических взаимосвязей, чтобы дать источникам повод переносить названия и пользоваться ими как собирательными.

Именно это случилось также и с названием гуннов⁵⁴ (правда, некоторую роль могла сыграть и случайность). Самой вероятной я считаю следующую гипотезу: название «гунны», наверняка, относилось некогда к носителям определенного языка (см. § 20), точно так же оно было когда-то этнонимом. Но, кроме того, известно (см. § 12), что империя гуннов объединяла много народов, рас и языков, а потому «гунны» было и названием государства или собирательным названием (не все подданные империи, которых попросту именовали «гуннами», были ими этнически или по языку). Но это название могло также «странствовать» или использоваться как переносное (неясно, были ли гуннами кавказские «гунны», см. ниже).

Посмотрим, в каких значениях употребляется это название у Ю.Моравчика⁵⁵. Оказывается, что слово Οὐννοι может означать: 1) гунны империи Аттилы и его предшественников (иногда это – определенно название языка или этноним, если, конечно, называть Аттилу гунном, но в общем это скорее название государства, относящееся ко всем подданным этой многорасовой империи; неясно, в какой мере Οὐννοι является переносным названием от Χουνοι Птолемея); 2) «гунны» в самом обобщенном смысле [случаи (г), (д), (е)]; 3) некоторые входившие в состав гуннов народности, которых не называют более конкретно (едва ли это на-

звание языка, скорее собирательное, а иногда переносное название); 4) кидариты; 5) кадисены; 6) эфталиты (№№ 4–6 – это народы, жившие поблизости от Ирана, частично здесь собирательные названия, частично – переносные); 7) акациры; 8) сабиры; 9) оногуры; 10) утигуры; 11) кутригуры (№№ 7–11 – это собирательные или, более вероятно, переносные названия, см. § 19); 12) болгары; 13) авары; 14) тюрки; 15) венгры; 16) узы; 17) куманы; 18) сельджуки; 19) османы; 20) народ, живший в XV в. по соседству с аланами (№№ 12–20 – переносные имена).

Теперь нам ясно, сколь многослойна интересующая нас проблема. Если отдельные лица или племена в источниках именуется «гуннами», мы ни в коем случае не можем безоговорочно связывать это слово с названием языка или принимать его за этноним и все «гуннские» имена истолковывать как гуннский языковой материал.

§ 12. От языка гуннов до нас дошли три нарицательных существительных и материал, состоящий из приблизительно 100 названий племен и личных имен. А что касается их идентификации, то по этому вопросу существуют следующие гипотезы:

А) они были монголами (Ж.Дегинь (см. § 4), П.-С.Паллас, Б.Бергман и др.);

Б) финнами (Абель-Ремюза, В. де Сен-Мартен);

В) славянами (Ю.Венелин, А. Вельтман, И.Е.Забелин, Д.И. Иловайский, В.М. Флоринский);

Г) венграми, а также кавказцами (лезгинами, аварами), они были будто бы предками венгров (Ю.Кляпрот, подобная позиция у П.П.Семенова-Тяньшаньского);

Д) они представляли собой смесь тюрков и финнов (К.Иностранцев);

Е) они были кавказцами (Э. Моор)⁵⁷;

Ж) они были тюрками-болгарами (О.Прицак⁵⁸, В.В.Бартольд⁵⁹, Н.И. Ашмарин⁶⁰);

3) по мнению Фр.Альтхайма и Р.Штиль⁶¹, языки сюнну и гуннов – это древнетюркский язык, что «давно уже установлено»⁶². Это наиболее часто встречающаяся точка зрения, раньше у нее было особенно много сторонников: К.Цойсс, А.А.Куник, Ф.Мюллер, В.Томашек, М.Соколов, Ф.Е.Корш, В.Ф.Миллер, В.Г.Василевский, Г.Э.Виттерсхейм (с добавлением финских и тунгусских элементов), А.Вамбери, В.В.Радлов, Н.А.Аристов, а также Ю.Немет⁶³. Даже О.Менхен-Хельфен⁶⁴, обычно склонный больше к скептицизму, убежден, что решающим компонентом гуннов были тюрки.

Ниже речь пойдет о точках зрения (В), (Е), (Ж) и (З). В пользу одной из них можно найти некоторые свидетельства (В), точка зрения (З) очень распространена, а остальные (Е) и (Ж) приобрели сторонников не так уж давно.

Прежде всего ясно: империя гуннов была определенно такой же полиэтнической и многоязычной, как и Австро-Венгерская империя, которая позже занимала ту же территорию. Значит, речь может идти не о том, чтобы устанавливать язык единого многоэтнического государства, а о том, чтобы выявить преобладающий исконно гуннский компонент: это мог быть (в этом я солидарен с Ю.Моравчиком⁶⁵) язык совсем малочисленного господствующего слоя. Ученые самых различных направлений единодушны в том, что империя гуннов имела пестрый генетический и языковой состав⁶⁶.

§ 13. Вероятнее всего, что три гуннских нарицательных имени являются славянскими. Я привожу их в порядке убывания степени вероятности славянского происхождения каждого из них.

1. *strava* ‘тризна, поминки (по Аттиле)’. Встречается у Иордана⁶⁷: «После того как он был оплакан такими стенаниями, они справляют на его кургане *сраву* (так называют это они сами), сопровождая ее громадным пиршеством». Ныне уже отказались от по-

пытки подыскать этому слову готскую этимологию⁶⁸. Оно не зарегистрировано в общегерманском языке. Несостоятельна также попытка найти ему тюркское объяснение, связать его с корнем *astra-* (караимский) ‘прятать, погребать’, поскольку это – монгольское заимствование, попавшее к тюркам в XIII в.⁶⁹ Ошибочно далее утверждение Э.Моора⁷⁰, что это слово вообще не поддается этимологизации. Нельзя его также возводить к славянскому «тризна» (возражение Д.И.Иловайскому⁷¹). Ошибочно и сопоставление его с болгарским ‘здравница, заздравный тост’, предлагаемое Фр.Альтхаймом и Р.Штиль (последнее производно от болг. *здрав* ‘здоров’).

Однако у Р.Траутмана читаем: «*strava* не что иное, как славянское слово, которое мы позже находим в старопольском языке: *strawa* ‘*epulae, feralis*’ (поминальная трапеза) и в старочешском: *strava* ‘панихида’»⁷². По мнению Л.Нидерле, это слово является славянским названием пиршества в память умершего, а то, что оно употреблено Иорданом, показывает, что «подданные Аттилы в Центральной Венгрии, должно быть, были тогда славяне»⁷³. Оно зарегистрировано во многих славянских языках, одного корня с *traviti* ‘переваривать’ (*sv-trava*) (почему и отпадает предположение Т.Моммзена⁷⁴, что славяне заимствовали его у готов) и имеет явно индоевропейское происхождение⁷⁵. Многие другие слависты также считают гуннское *strava* славянским словом⁷⁶. В том, что оно славянское, не может быть ни малейшего сомнения. Другое решение могло бы быть только следствием явного предрассудка. Проявлять и здесь скептицизм было бы совсем неуместно. (Проявлять слишком много скептицизма не критично).

2. *medos* ‘напиток жителей страны гуннов, мед’. У Приска⁷⁷ говорится: «вместо вина был [напиток, который] общепринято в стране назывался медом» (в хижине скромного жителя, а не, скажем, при дворе Аттилы).

Каково происхождение этого слова? Оно, наверняка, индоевропейское⁷⁸. И, конечно же, сходные формы встречаются во многих индоевропейских языках. Так, в словаре Ю.Покорного⁷⁹ находим славянское *medŭ*, но есть также кельтские (например, кимрское *medd*) и общегерманские (например, англосаксонское *meodo*, древневерхненемецкое *metu* и, вероятно, готское *medus?) формы. Это слово могло, разумеется, существовать и во фракийском языке. Кроме В.Г.Васильевского (который считает его славянским или фракийским) и Э.Моора⁸⁰ (который нерешительно называет его индоевропейским), почти все исследователи сходятся в том, что его следует рассматривать, как славянское, и эта точка зрения наиболее близка к истине⁸¹. Иначе мы бы должны были утверждать, что хотя слова *strava* и *medos* оба индоевропейские (каковыми они совершенно очевидно и являются), происходят они из какого-либо другого индоевропейского языка и лишь случайно оба выступают в славянских языках (а здесь только эти два слова) в той именно форме, какая и должна быть.

3. Самым трудным и самым ненадежным является, наконец, слово *kamop* (едва ли *kamos*) ‘напиток жителей страны гуннов’. У Приска говорится⁸²: «Напиток из ячменя, варвары называют его *камон*». Истолкование этого слова затруднительно уже потому, что в латинском языке в III–IV вв., т.е. в догуннскую эпоху, было известно слово *samum* как название одного напитка пэонийцев*. Следует ли думать, что у Приска мы имеем дело с ученой реминисценцией (формой цитирования)? Думаю, что это едва ли возможно (его рассказ основан на собственном опыте, и ведет он его опять-таки в хижине варвара). Кельтское, фракийское (или иллирийское) происхождение этого слова недоказуемо; эту точку зрения едва ли уж теперь кто-нибудь отстаивает. Однако часто высказывается предположение о его тюркском происхождении (*qimiz* ‘кумыс’)⁸³; не-

редко ошибочно пишут *qumiz* (но это лишь русское искажение)⁸⁴.

Против гипотезы о тюркском происхождении можно возразить следующее.

1. Значения – гуннское «ячменное пиво» и тюркское «сквашенное и перебродившее кобылье молоко» – едва ли имеют что-нибудь общее. Правда, этот недостаток мог бы оказаться и не таким уж непреодолимым, как показали Фр.Альтхайм и Р.Штиль. Никогда нельзя совсем исключать смещения значения.

2. Так как слово *kamop*, *samum* зарегистрировано в Паннонии в догуннское время, гунны (или «гунны») могли его в лучшем случае заимствовать у исконных жителей. А последние ни в коем случае не были тюрками. Поэтому Фр.Альтхайм отказался от отождествления слова *kamop* с тюркским *qumiz*⁸⁵.

3. Кроме того, вокализм тюркского *qimiz* не подходит к слову *kamop*, скорее, следовало бы ожидать греческое *κίσις*.

Может быть, это слово тоже следует толковать как славянское (разумеется, не так, как это делал Д.И. Иловайский⁸⁶, возводивший его к русскому слову *квас*). В этой связи я думаю о славянском слове *kom*⁸⁷, которое вообще обозначает ‘глыба, ком’, но в некоторых языках в основной или производной формах получило значение ‘(виноградные) выжимки’ (серб. *kom*, болг. *комина*, чеш. *kominy*); в Сербии из «кома» делают водку *komovica*⁸⁸. Правда, отдаленность значений «ячменное пиво» – «выжимки» может быть преодолена только с помощью смелого допущения, что слово *kom* могло раньше обозначать также ячменную массу, а потому и само пиво, которое из нее варится. С фонетической точки зрения здесь все безупречно: старославянское /o/, действительно, раньше произносилось скорее как лабиализованное /a/ и в греческих и латинских источниках представлено через /a/⁸⁹.

Представляют интерес следующие слова Л.Нидерле: «Название другого напитка, получаемого из ячменя, *káμος*, употребляется у балканских славян с X в. (*komina*), но его славянское происхождение сомнительно»⁹⁰. Правда, я не смог отыскать в славянских языках значения «ячменный напиток» для слов *kom*, *komina*⁹¹. Возможно, конечно, что славянское *kom(ina)* в значении ‘масса, которая бродит и из которой получают алкогольный напиток, и сам напиток из этой массы’ заимствовано из какого-нибудь дославянского языка, например, у фракийских или кельтских поселенцев (ср. английское *whisky* из кельтского языка).

Конечно, с исторической точки зрения здесь кое-что неясно. По Н.С. Державину⁹², первые сведения о славянах (правда, не в Паннонии) у Плиния, Тацита, Птолемея относятся к I–II вв., а затем у Иордана и Прокопия только уже к VI в. Предположение Л.Нидерле о том, что славяне уже в I в. н.э. селились разрозненно среди иллирийцев и фракийцев, едва ли доказуемо. Однако о славянах в VI в. и как раз в Паннонии есть недвусмысленное свидетельство у Иордана: «Склавены обитают от города Новиетунум [Новиодун] и озера, которое называется Мурсиан, вплоть до Данастра (слав. Дънѣстръ) и на север до Вислы»⁹³. Город Новиодунум, Невиодунум (у Приска *Νοβίδουνον*) расположен на реке Саве приблизительно 45°55' с.ш. Весьма возможно, что славяне селились в Паннонии уже в V в. (веке Аттилы); IV–VI вв. могли, конечно же, быть типичным переходным периодом, что, возможно, находит выражение уже в названии города у Иордана: оно ведь означает «Новгород». (Название Новиодунум, т.е. Новгород, носят различные галльские города: современные Невер, Нион, Суассон и др.).

О том, что основная масса гуннских подданных говорила во всяком случае не по-гуннски (и, может быть, на каком-либо славянском языке), кажется, свидетельствует то место у Приска, где он говорит, что скифы (пере-

носное название = гуннские подданные⁹⁴), помимо их собственного варварского языка, пользовались и гуннским (далее готским и латинским⁹⁵). В греческих источниках «скифами» именуется также готы, славяне, русские⁹⁶, т.е. (в противоположность названиям *Τουρκοί*, *Ούννοι*⁹⁷) это слово обозначает не только (первоначально) азиатские степные народы⁹⁸.

Допустим, что три нарицательных имени, о которых шла речь, все славянские (что во всяком случае не установлено в отношении третьего из них). Это, конечно, означало бы не то, что гунны были славянами⁹⁹, а лишь то, что в области Тиссы и Дуная мы можем рассчитывать найти покоренных гуннами славян¹⁰⁰, т.е. тонкий кочевой правящий слой господствует над многочисленным славянским населением – картина, хорошо знакомая из истории (болгары в Болгарии, монголы Золотой Орды в России, османы на славянских Балканах и т.п.). Мы ведь у гуннов совсем не находим славянских имен (сопоставления Ю.Венелина¹⁰¹: Баламбер, Баламер = Владимир, Аттила = Тилан, Бледа = Влад и т.д. сплошь ненадежны). Происхождение имени гуннского правителя Баламбера, например, следует вслед за Л.Шёнфельдом¹⁰² признать неизвестным, неуверительны ни славянская, ни монгольская¹⁰³ этимология; слишком смелой была бы попытка объяснить его из германского **Balamērs*¹⁰⁴, неправдоподобна и гипотеза Р.Л.Рейнольдса¹⁰⁵, что в Баламбер следует видеть тюркское *bōgi* ‘волк’. А потому также надо отвергнуть точку зрения (В) (гунны = славяне).

Г.Вернадский¹⁰⁶ истолковал встречающееся у Прокопия слово *βάλαν* (вин. падеж) ‘вороной конь с белым пятном на лбу’ как тюркское *bulan*. Ранее это слово рассматривалось как германское¹⁰⁷ (готское *bals*); в крайнем случае можно бы было привлечь и славянское *bělanu* ‘белая лошадь’¹⁰⁸ (славянское *ě* в древние времена произносилось как *ä*, а по-гречески ча-

сто передавалось буквой α ¹⁰⁹). Однако ярким свидетельством против славянского или гуннского происхождения этого слова является тот факт, что оно употребляется в рассказе о битве у Мульвийского моста между Велизарием и восточными готами (537 г.) спустя приблизительно столетие после краха гуннской империи (а потому следует отдать предпочтение германской этимологии). Предположение Г.Вернадского¹¹⁰ о том, что лошадь Велизария «была, по-видимому, выращена гуннскими коневодами», ни на чем не основано. Семантически слово *bulan* также не подходит¹¹¹.

§ 14. Есть несколько имен, значение которых показалось некоторым авторам настолько прозрачным, что они были склонны уподобить их именам нарицательным. Здесь речь пойдет о двух из них.

1. Иордан говорит о Днепре, «который гунны на своем языке называют Вар».

По О.Прицаку¹¹², это просто то же, что гуннское *var* (еще и ныне чув. = волжскоболг. *var* ‘овраг, долина’), которое соответствует общетюркскому $\ddot{o}z$. Этим будто бы доказывается, что гунны говорили на болгаротюркском языке. (Так, впрочем, считал уже Н.И.Ашмарин¹¹³). Фр.Альтхайм называет слово *var* в числе гуннских нарицательных имен, не давая никакой этимологии¹¹⁴. Приводимое Г.Ю.Кляпротом сопоставление этого слова с лезгинско-аварским *or*, *hor*, *oior* ‘река’ невероятно¹¹⁵, им не воспользовался даже Э.Моор¹¹⁶, который считает гуннов кавказцами. Самым вероятным является гуннское происхождение этого имени¹¹⁷. В работе А.Тамба и Р.Хаушильда¹¹⁸ читаем: «И Волга тоже носила некогда индийское название: Геродот называет ее *O'aros* (ионийская передача слова *Varos*) = санскр. *var(i)* ‘вода’».

Как бы мы ни объясняли это название, во всяком случае следует принять во внимание указание Э.Моора¹¹⁹ на то, что слово *var* ведь совсем необязатель-

но должно быть исконно гуннским, а является попросту обозначением жителей Приднепровья, которое гунны, конечно же, заимствовали. Слова Тибр или Волга тоже ведь употребляются в немецком языке, но не являются немецкими. Кстати, очень спорно, могло ли общетюркское $\ddot{o}z$ уже в VI в. развиться в болгаротюркское *var* и не имеем ли мы здесь дело с анахронизмом¹²⁰. Тем самым мы покончили и с точкой зрения (Ж) (гунны = тюрко-болгары), так как это была ее единственная скольконибудь состоятельная опора.

Совсем легко как анахронизм опровергается утверждение Фр.Альтхайма и Г.-В.Хауссига¹²¹, что гуннское (?) племенное название *Oul'ti'zourou* следует толковать как *ult'i' cur*, что оно представляет собой, собственно говоря, обозначение шести высших сановников и что это доказывает болгарское происхождение гуннов, поскольку только чувашский язык (= волжскоболгарский) имеет *u* в числительном *ult'tä* ‘шесть’ вместо *a*-в общетюркском *alt'i* (то же). Еще в волжскоболгарских надгробных надписях XIII–XIV вв. «шесть» выступает в форме *alt'i*¹²²; гласный *a* продолжает еще сохраняться и в чувашских заимствованиях в горномарийском языке, относящихся к XV–XVI вв.¹²³

2. О.Менхен-Хельфен¹²⁴ причисляет слово *Atakam* к именам, тюркская этимология которых находится вне всякого сомнения (так считал уже А.Вамбери¹²⁵). Даже Э.Моор¹²⁶ считает, что «это единственное тюркское толкование гуннского имени собственного... которое, по крайней мере, в формальном отношении может считаться безупречным» (однако это всего лишь игра случая). Г.-В.Хауссиг сделал из этого следующий вывод: «Достоинство этого верховного шамана требовало... преклонного возраста. Это также находит выражение в названии этого человека, который у гуннов именовался *Атака́м*, *ata-qam* ‘отец шаманов’» (*Priskos. Excerpta de legationibus*, с. 122, 15)¹²⁷. Этот пример, на первый взгляд, произ-

водит впечатление совершенно убедительного – и именно поэтому я его выбрал (в частности, чтобы показать, что даже такие имена, тюркская природа которых представляется несомненной, могут оказываться нетюркскими – не говоря уж о многих именах, которым были подысканы очень вымученные тюркские этимологии; я не хочу заниматься здесь их опровержением).

Можно возразить следующее.

1. По существу вопроса: ни в одном историческом источнике нет свидетельства, что у гуннов было шаманство¹²⁸. Ведь и сам Г.-В.Хауссиг заключил об этом из упомянутого названия (гистерон-протерон*).

2. Оригинальный текст неясен. Говорится, что Аттила повелел распять некоторых перебежавших к римлянам варваров (ἐν οἷς καὶ παῖδες Μάμα καὶ Ἀτακάμ του βασιλείου γένος). Здесь форму Μάμα καὶ Ἀτακάμ следует считать родительным падежом¹²⁹. (Фр. Альтхайм, Э.Моор и Е.А.Томпсон¹³⁰ видят здесь аппозитивную связь, так что в переводе это означало бы ‘дети Мамы и Атакама’, что совершенно исключало бы толкование ‘шаман – отец’). Таким образом правильно перевести так: ‘Среди них (были) также дети Мамы и Атакама из правящего рода’. Однако родительный падеж допускает двойное толкование пола упоминаемых лиц, т.е. даже пол этих лиц (нигде больше у Приска не встречающихся) не установлен. А кроме того, ненадежно толкование ‘отец’.

3. К тому же еще мы имеем дело с анахронизмом. Тюркское слово ата ‘отец’ первоначально было детским словом, так же, как и baba, которое позднее значительно потеснило слово ата. Но последнее зарегистрировано впервые в XI в. (в «Кутадгу Билиг», датируемом 1069 г.); в орхонских надписях VIII в. вместо него выступает древнее слово qan. И даже в рукописях из Дунь-Хуана царит одно лишь слово qan¹³¹. Гуннское ата отделяло бы от действительной первой регистрации этого слова шесть столетий. (Анахро-

низм в лингвистике ничем не лучше анахронизма в истории).

§ 15. Займемся теперь объяснением гуннских имен. Однако сначала мне бы хотелось высказать одно методологическое соображение. Все существенное в лингвистике может быть выражено с помощью парадокса. Парадокс ономастики гласит: «При толковании какого-либо названия или имени возможное обнаружение значения, конечно, представляет собой приятное сопутствующее обстоятельство, но его нельзя считать существенным или неизменным условием. В то время как решающее значение имеют определенные (для непосвященного совершенно незначительные) формальные критерии». Важнейшие из них следующие:

А. Релевантной является фонетическая структура слов. Например, такие анлауты как st-, sk-, gl-, tr- вообще являются признаком индоевропейских имен. Далее, в общем недопустимо приписывать какое-либо слово, имевшее в анлауте, скажем, st-, такому языку, который не знает этого анлаута, а следует возводить, например, упомянутый анлаут к сочетанию: гласный + st- или zt-.

Б. Некоторые характерные суффиксы оказываются существенными для этнической квалификации ономастического материала. Так, суффикс -bn характерен для иллирийских гидронимов. Вообще недопустимо истолковывать какое-либо слово как сочетание корня и непродуктивного суффикса, если только не будет показано, что этот суффикс в виде исключения часто встречается как раз в именах и названиях.

В. Главное внимание следует направлять на постоянно повторяющиеся характерные составные элементы. Например, германские имена собственные чаще всего двучленны, и кстати вторым часто бывает элемент -wig ‘борьба, бой’, но им никогда не бывает существенное среднего рода.

Разумеется, эти формальные критерии могут играть какую-нибудь роль

и быть действенными только, если накоплен значительный материал; с одним или двумя словами вообще ничего нельзя предпринимать. Во всяком случае в ономастике не принят прием, заключающийся в том, чтобы явно гетерогенный материал сначала превращать в некую беспорядочную смесь и затем выхватывать из нее отдельные разрозненные (подходящие для собственной точки зрения) элементы.

Причина того, что значение не играет здесь сколько-нибудь значительной роли, очевидна: ведь приписываемое значение является всегда лишь возможным, а часто и произвольным (кто ищет, тот найдет); так, при интерпретации плохо сохранившихся древних источников оно часто вообще не поддается контролю. К тому же именно в именах собственных часто содержатся обsolete элементы, т.е. такие, значение которых вообще уже не может быть выявлено (что невероятно характерно, например, для монгольских личных имен). Как раз на материале, о котором идет речь (каковым и является гуннский), выявление значений абсолютно ненадежно: каждый будет приносить в него лишь свой специфический предраассудок. Я хочу привести показательный в методологическом отношении, хотя и вымышленный, пример. Возьмем два первых попавшихся эскимосских собственных имени из книги Е.С.Рубцовой¹³². Я хочу доказать, что их без труда и превосходнейшим образом можно интерпретировать как тюркские (эту вымышленную игру с равным успехом можно было бы провести с готтентотскими или ботокудскими именами). Первое из них – мужское имя К’ал’ю. Оно, конечно же, тюркское, ведь *qał* означает ‘старик’¹³³ или ‘безумный, сильный’¹³⁴. Далее в нем есть элемент *iyu* ‘преследователь’, разлагаемый на *iy-* ‘преследовать, подавлять’¹³⁵ и суффикс *-u/-ü*¹³⁶. Получается: ‘старый (или безумный) преследователь’. Совершенно подходящее имя для охотника! Второе – женское имя Ар’упак’и. Оно, разумеется, так-

же тюркское. В самом деле: *agı* значит ‘чистый, непорочный’ (часто встречающийся тюркский *epitheton ornans* для женщин¹³⁷) + *bək* (или *baqı*) ‘постоянный’¹³⁸. Чудесное, украшающее женщину имя! Жаль, что эти тюркские этимологии эскимосских имен, безусловно, выдуманы; они, в сущности, намного лучше некоторых тюркских этимологий гуннских имен, которые тоже придуманы, только авторы этого просто не осознали. Красота этимологии не очень привлекательна для ономастолога, она совершенно ничего не доказывает.

А теперь два примера некорректной (1) и корректной (2) этимологии имен собственных:

(1) Допустим, что мы хотим дать объяснение имени самого великого правителя османов – Сулеймана. Как само собой разумеющееся, мы принимаем, что оно должно быть тюркским, и находим в качестве подходящей основы древнетюркское слово *sülə* ‘вести войну’. Из этого следует исключительно красивая этимология – ‘тот, кто ведет войну, воин’. Это толкование крайне убедительно, в частности, по двум причинам: а) поскольку оно объясняет имя тюркского правителя на тюркской почве, б) поскольку оно так превосходно подходит правителю. Однако оно ошибочно: на самом деле Сулейман – это заимствованное из арабского языка имя *Sulaiman* (последнее в свою очередь происходит из древнееврейского имени, образованного от семитского корня *šlm* ‘мир’, т.е. нечто совершенно противоположное войне). Анализ на основе формальных критериев дал бы следующие результаты: а) в этом слове не действует гармония гласных (в настоящем тюркском слове гласные *e* и *a* никогда вместе не встречаются); и это противоречит условию первому, б) суффикс *-u/ü* в тюркских языках не обнаружен, значит толкование не отвечает и условию второму. Поэтому оно недопустимо, и слово должно быть объяснено иначе, как не-тюркское.

(2) Предположим, что в каком-нибудь центральноазиатском или восточноевропейском источнике XIII–XIV вв. мы найдем название *barulatai*. Мы хотим установить, какому языку оно принадлежало. Нам известно, что в монгольском языке (и только в нем) есть часто встречающийся тип имен, состоящих из названия племени и суффикса *-tai* (или *-dai*). Известно также монгольское племя *barulas*. Значит, *barulatai* должно быть монгольским названием. И при этом не имеет никакого значения то, что монгольское название племени *barulas* фактически не поддается этимологизации. С помощью формальных критериев можно оперировать материалом даже совершенно незнакомых языков. Предположим, что мы имеем смешанный ономастологический материал, состоящий (а) из слоя, в котором многие имена начинаются на *sk-*, *st-* и часто наряду с этим имеют суффикс *-tun* (и никогда не имеют суффикс *-lak*), и (б) из другого слоя, в котором слова никогда не начинаются на *sk-*, *st-*, не имеют суффикса *-tun*, но часто имеют суффикс *-lak*. Мы без труда сумеем различать оба слоя (а) и (б), хотя мы не сможем этимологизировать ни одного слова. Попытаемся анализировать гуннские имена собственные, руководствуясь высказанными соображениями. Но и опять-таки необходимо сделать некоторые предостережения.

§ 16. При этимологизации гуннских имен и названий мы сталкиваемся с тремя в равной степени неприятными альтернативами.

(1) Мы ограничиваемся именами таких лиц, принадлежность которых к гуннам находится вне всякого сомнения. Тогда в нашем распоряжении остаются только имена самого Аттилы и некоторых его родственников. Этот материал слишком ничтожен, чтобы можно было делать надежные выводы (т.е. он не отвечает условию накопления материала, § 15); к тому же он, как еще будет показано, имеет гетерогенное (по крайней мере, спорное) происхождение.

При самом строгом подходе остались бы только следующие имена и названия: само название гуннов (Ούννοι, *hunni*), далее имена из греческой литературы (у Ю.Моравчика): Ἀττίλας, Βλήδας, Γιέσμος, Δεγγιζίχ (также Δινζίχ, латинское *Dintzic*¹³⁹), Ἡρνάχ, Μάμας, Μουνδίουχος, Μουνδος, Ούλδης, Ούπταρος, Ῥούας, Χαράτων, Ῥηβάρσιος. Кроме того, имена, встречающиеся в латинской литературе (у Л.Шёнфельда, Т.Моммзена): *Ballamber*, *Ellac*, *Laudaricus*, *Emnetzur*, *Ultzindur*. Всего – 20 имен. Нередко трудно отграничить этот материал от того, о котором речь пойдет в пунктах (2) и (3) (отчего материал становится еще менее надежным). Не относится сюда, по всей вероятности, имя Δονάτος (это не гунн)¹⁴⁰. В отношении Ούλδης и Χαράτων тоже не совсем ясно, были ли их носители как-то связаны с родом Аттилы и были ли они вообще гуннами¹⁴¹; см. также пункт (2).

(2) Второй альтернативой могло бы быть привлечение имен гуннов («гуннов»?), которые упоминаются в качестве придворных Аттилы или в каком-либо другом в равной мере понятном качестве (что все же может служить свидетельством того, что они были иноплеменными). В таком случае из греческой литературы (у Ю.Моравчика) подошли бы, видимо, следующие имена: Ἀδαμς, Βέριχος, Ἐδέχων, Ἐσχάμ, Ἦσλας, Κρέχα (или скорее Ἡρέχα), Ὀνηγήσιος, Ούλιμουθ (?)¹⁴², Σκόττας. А из латинской литературы (Л.Шёнфельд), может быть, еще *Tuldila*. Провести границу между пунктами (1) и (2) иногда бывает трудно. Скорее к пункту (3) (а возможно, лучше бы их считать и негуннскими) относятся имена Ούάλιφ¹⁴³ и Σηγγύλαχος¹⁴⁴. А вот Βασίχ и Κουρσίχ, кажется, относятся к пункту (1). Правда, Ю.Моравчик считает их носителей просто гуннскими военачальниками (около 440 г.); но, по мнению О.Прицака и О.Менхен-Хельфена¹⁴⁵, они – ранние гуннские правители (около 395 г.)¹⁴⁶.

(3) Последней, крайней возможностью было бы привлечение к исследованию всех, кто хоть как-то связан с гуннами. Это означало бы, что мы привлекли бы и тех, которые у Ю.Моравчика упомянуты как «менее известные гунны», а также, например, имя Μοδάρης и другие, которые сопровождаются пометой «византийский военачальник скифского (= гуннского или готского) происхождения». Как заметил Ю.Моравчик, почти все такие «гунны» имеют иранские имена¹⁴⁷. Точно так же мы были бы должны привлечь такое название как акациры, хотя, собственно говоря, из слов, что гунны покорили акациров («неизвестный, но храбрый народ»), следовало бы заключить, что они как раз не были гуннами¹⁴⁸. (Слова Приска о том, что акациры были гуннами,

наряду с его утверждением, что они – скифский народ, по-моему, следует считать «собирательным названием»: народ с определенным степным кочевым образом жизни, см. § 11). О многочисленных кавказских гуннах см. также § 19.

Таким образом, если мы будем привлекать все, что так или иначе могло быть гуннским, то мы получим совершенно ненадежный материал, поскольку ведь гуннскую империю следует рассматривать как полиэтническое государство, а истинно гуннское происхождение в каждом конкретном случае сначала следует доказывать (гистерон-протерон). Иначе наши поиски можно было бы уподобить попыткам объяснить все имена собственные и этнонимы в Советском Союзе, исключительно исходя из русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ F.Hirth. Über Wolga-Hunnen und Hiung-nu // SBAW. – 1899. – Bd II. – S.245–278; M.Schuster. Die Hunnenbeschreibungen bei Ammianus, Sidonius und Iordanis. – «Wiener Studien». Bd LVIII. – Wien, 1940. – S.119–130; K.Jettmar. Hunnen und Hsiung-nu – ein archäologisches Problem// AfV. – Bd VI–VII. Wien, 1953. – S.166–180 [правда, осторожно и деликатно]; O.Pritsak. Kultur und Sprache der Hunnen// Festschrift für Dmytro Čyževskyi zum 60. Geburtstag. –В., 1954. – S.238–249; Z.Takats. Neuentdeckte Denkmäler der Hunnen in Ungarn// АОН. Т.IX, 1959. – S.85–96; R.Shafer. The earliest Huns// UAJ. Bd 38. – 1966. – С.85–96.

² Fr.Altheim, H.-W.Haussig. Die Hunnen in Osteuropa. – Baden-Baden, 1958.

³ O.Maenehen-Helfen. Huns and Hsiung-nu// B-IJBS. American Series III. –Vol.XVII. №.V. – 1944–1945. – S.222–243; E.A.Thompson. A History of Attila and the Huns. L., 1948; K.Enoki. Sogdiana and the Hsiung-nu// CAJ. –Vol.I. –1955.–P.43–62; E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen mit besonderer Berücksichtigung ihres Namenmaterials// «Beiträge zur Namenforschung». –Bd 14. –Heidelberg, 1963. – S.63–104. (Почти тот же материал повенгерски см.: «Magyar Nyelv». Т.59. Budapest, 1963. – С.53–66).

⁴ Fr.Altheim, H.-W.Haussig. Die Hunnen in Osteuropa. – S.14.

⁵ K.Jettmar. Hunnen und Hsiung-nu – ein archäologisches Problem. – S.178.

⁶ Старую литературу см.: К.Иностранцев. Хунну и гунны. –Л., 1926; K.Shiratori. Über die Sprache des Hiung-nu Stammes und der Tung-hu Stämme// ИАН. – Сеп.V. – Т.XVII. – Вып.2. –СПб., 1902. – С.1–33.

⁷ K.Shiratori. Über die Sprache des Hiung-nu Stammes und der Tung-hu Stämme, №2.

⁸ O.Pritsak. Kultur und Sprache der Hunnen.

⁹ W.Samolin. Hsiung-nu, Hun, Turk// CAJ. –Vol.II, 1956. – P.143–150.

¹⁰ K.Shiratori. Sur l'origine des Hiong-nou – JA. Vol.I. P., 1923. – P.71–81.

¹¹ L.Ligetii. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise// АОН. – Т.I, 1950. – P.141–185.

¹² E.G.Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese// AM.N.S. – Vol.9. L., 1962, p.1, с.58-144; p.2, с.206–265.

¹³ E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen, с.65 и сл.

¹⁴ O.Maenchen-Helfen. Huns and Hsiung-nu, P.224 и сл.; ср. также: O.J.Maenchen-Helfen. The Ethnic Name Hun// Studia Serica Bernhard Karlgren dedicata. – Copenhagen,

1959. – P.223–238; L.Ligeti. A kinai atirasos barbar glosszak kerdese// «Nyelvtudományi Közlemények». – Т.51. – Budapest, 1941. –С.200 и сл.; он же. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, с.142.

¹⁵ W.Samolán. Hsiung-nu, Hun, Turk, с.149.

¹⁶ E.G.Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese, P.240.

¹⁷ O.Maenchen-Helfen. Huns and Hsiung-nu, P.224 и сл.

¹⁸ Соответствующую литературу см. в работах: L.Ligeti. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, с.143; O.Pritsak. Ein hunnisches Wort// ZDMG. – Bd CIV. – 1954. – S.135; G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. – Bd I. – Wiesbaden, 1963. – S.96.

¹⁹ E.G.Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese, p.264 и сл.

²⁰ O.J.Maenchen-Helfen. The Ethnic Name Hun, p.225.

²¹ L.Ligeti. A kinai atirasos barbar glosszak kerdese.

²² K.Shiratori. Über die Sprache des Hiung-nu Stammes und der Tung-hu Stämme, №1; L.Ligeti. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, с.143; Fr.Altheim. Attila und die Hunnen. – Baden-Baden, 1951. – S.61,95; E.G.Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese, p.240; G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. – Bd II. – Wiesbaden, 1965, статья 944, S.585.

²³ Fr.Altheim. Attila und die Hunnen, S.53; Fr.Altheim, R.Stiehl. Das erste Auftreten der Hunnen. Das Alter der Jesaja-Rolle. Neue Urkunden aus Dura-Europos. – Baden-Baden, 1953. – S.49; G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. – Bd IV. – Wiesbaden, 1973, статья 1825, S.124–136.

²⁴ См.: K.Shiratori. Über die Sprache des Hiung-nu Stammes und der Tung-hu Stämme, №5 (правда, здесь предлагается иное толкование); G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. – Bd II. Wiesbaden, 1965, статья 452, S.35, 39.

²⁵ Fr.Altheim. Attila und die Hunnen, с.20; он же. Geschichte der Hunnen. – Bd I, B., 1959. – S.7.

²⁶ Так считает Л.Лигети (L.Ligeti. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, с.143), а до него этой точки зрения придерживался П.Пельо.

²⁷ Fr.Altheim, H.Stiehl. Das erste Auftreten der Hunnen, S.37 и сл.

²⁸ O.Maenchen-Helfen. Huns and Hsiung-nu, p.224.

²⁹ L.Ligeti. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise.

³⁰ E.G.Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese.

³¹ K.Shiratori. Über die Sprache des Hiung-nu Stammes und der Tung-hu Stämme, №11.

³² E.G.Pulleyblank. The Chinese Name for the Turks// JAOS. – Vol.85. – 1965. №2. – S.121–125.

³³ L.Ligeti. Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, с.151.

³⁴ E.G.Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese, p.240, 244.

³⁵ См.: G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. –Bd IV, статья 1728, S.11–14.

³⁶ См.: G.Moravcsik. Byzantinoturcica. 2. Auflage. – Bd II. –B., 1958. –S.236 и сл.; O.J.Maenchen-Helfen. The Ethnic Name Hun; Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen, Bd I, s.7 и сл.; К.Иностранцев. Хунну и гунны.

³⁷ См.: W.B.Henning. The Date of the Sogdian Ancient Letters// BSOAS. –Vol.XII. –1948. – P.601–615.

³⁸ См.: M.Bussagli. Osservazione sul problema degli Unni// Accademia Nazionale dei Lincei. Rendiconti della Classe di Scienze morali. –Ser.VIII. – Vol.V. Fasc.3-4. – Roma, 1950. – С.212–232; G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.236 и сл.; O.J.Maenchen-Helfen. The Ethnic Name Hun; он же. Archaistic Names of the Hiung-nu// CAJ. – Vol.VI. – 1961. –P.249–261; O.Pritsak. Kultur und Sprache der Hunnen; он же. Hun, der Volksname der Hsiung-nu// CAJ. –Vol.V. –1959. – S.27–34; Fr.Altheim, H.-W.Haussig. Die Hunnen in Osteuropa; Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen. Bd I, s.7 и сл.; R.Shafer. The Earliest Huns; H.-W.Haussig. Probleme der Westwanderung der Hunnen// ZDMG. Supplementa. – Bd 2. – Wiesbaden. – 1969. – S.772–782; K.Jettmar. Hunnen und Hsiung-nu – ein archäologisches Problem; E.G.Pulleyblank. The Consonantal System of Old Chinese, p.139.

³⁹ R.Shafer. The Earliest Huns; E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen.

- ⁴⁰ H.-W.Haussig. Probleme der Westwanderung der Hunnen.
- ⁴¹ M.Bussagli. Osservazione sul problema degli Unni; G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.236 и сл.; O.Maenchen-Helfen. Pseudo-Huns// CAJ. Vol.I. 1955. – С.101–106; он же. The Ethnic Name Hun; R.Shafer. The Earliest Huns.
- ⁴² См.: G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.279–283.
- ⁴³ Там же, с.13.
- ⁴⁴ G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd II, статья 888, с.489.
- ⁴⁵ Ср., в частности: G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.13–17.
- ⁴⁶ E.Haenisch. Die Geheime Geschichte der Mongolen. –Lpz., 1948. – S.137 и сл.
- ⁴⁷ U.Harva. Die religiösen Vorstellungen der altaischen Völker. – Helsinki, 1938. – S.420.
- ⁴⁸ O.Maenchen-Helfen. Pseudo-Huns.
- ⁴⁹ Г.М.Василевич. Эвенкийско-русский словарь. –М., 1958. –С.576–579.
- ⁵⁰ G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd II, статья 888, S.489.
- ⁵¹ H.F.Schurmann. The Mongols of Afghanistan. ‘s-Gravenhage, 1962, p.99–101.
- ⁵² Г.М.Василевич. Эвенкийско-русский словарь, с.581.
- ⁵³ B.Spuler. Die Goldene Horde. – Wiesbaden, 1965. – S.281–285.
- ⁵⁴ O.Maenchen-Helfen. Pseudo-Huns, S.102 и сл.
- ⁵⁵ G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.231–237.
- ⁵⁶ Старую литературу см.: К.Иностранцев. Хунну и гунны.
- ⁵⁷ E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen.
- ⁵⁸ O.Pritsak. Kultur und Sprache der Hunnen.
- ⁵⁹ O.Maenchen-Helfen. Huns and Hsiung-nu, s.225. [См. В.В.Бартольд. Сочинения. Т.V. – М., 1968. – С.37. – Примеч. переводчика].
- ⁶⁰ См.: Сироткин М.Я. Ашмарин Н.И. и чувашская культура// Н.И.Ашмарин – основоположник чувашского языкознания. –Чебоксары, 1971. –С.17; Каховский В.Ф. Ашмарин Н.И. о происхождении чувашского народа// Н.И.Ашмарин – основоположник чувашского языкознания. – Чебоксары, 1971. –С.192.
- ⁶¹ Fr.Altheim, R.Stiehl. Das erste Auftreten der Hunnen, S.85.
- ⁶² Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen. Bd I, s.7.
- ⁶³ См.: E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen, s.65.
- ⁶⁴ См., например: O.Maenchen-Helfen. Zu Moor’s Thesen Über die Hunnen// Beiträge zur Namenforschung. – Bd 14. Heidelberg, 1963. – С.273–278.
- ⁶⁵ G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.5 и сл.
- ⁶⁶ J.Harmatta. The Golden Bow of the Huns// ААН. –Т.I. –1951. –p.107–151; K.Jettmar. Hunnen und Hsiung-nu, s.178; N.Fettich. La trouvaille de tombe princiere hunnique a Szeged-Nagyszekszos. – Archaeologia Hungarica. Т.XXXII. –Budapest, 1953. – с.109 и сл.; J.Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches// АВАВ. Neue Folge. –Bd 38. –1956. – S.1; O.Maenchen-Helfen. The Ethnic Name Hun, с.237 и др.; R.Shafer. The Earliest Huns, p.6.
- ⁶⁷ Иордан. О происхождении и деяниях гетов// Пер. Е.Ч.Скржинской. –М., 1960. – С.117.
- ⁶⁸ См.: A.Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. neubearb. von J.B.Hofmann. –Heidelberg, 1938. – С.601; Th.Mommsen [ed.]. Iordanis Romana et Getica. Monumenta Germaniae historica, auctorum antiquissimorum tomi V pars prior. –В., 1961. – С.198; ср. также: W.Samolín. Hsiung-nu, Hun, Turk, с.144; O.Maenchen-Helfen. Huns and Hsiung-nu, с.225; E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen, с.84.
- ⁶⁹ G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd I, s.20 и сл. Иную точку зрения см.: В.v.Arnim. Bemerkungen zum Hunnischen// ZfslPh. –Bd XIII. – 1936, s.100–109; Gy.Nemeth. Attila es hunjai. Budapest, 1940. – с.217–226. Ср. Также: W.Samolín. Hsiung-nu, Hun, Turk, с.144; O.Maenchen-Helfen. Huns and Hsiung-nu, с.225; Fr.Althelm. Literatur und Gesellschaft im ausgehenden Altertum. Halle, 1948, с.219 и сл.; он же. Attila und die Hunnen, с.209; он же. Geschichte der Hunnen. Bd IV. – В., 1962. – S.335.
- ⁷⁰ E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen, с.84.
- ⁷¹ См.: К.Иностранцев. Хунну и гунны, с.106.
- ⁷² R.Trautmann. Die slavischen Völker und Sprachen. Lpz., 1948. – S.22 и сл.

- ⁷³ L.Niederle. Manuel de l'antiquite slave. Vol.II. P., 1926. – С.51, 53.
- ⁷⁴ Th.Mommsen. Iordanis Romana et Getica, С.198.
- ⁷⁵ М.Фасмер сопровождает это слово пометами: «зап.», «севск.», «укр.», «блр.», «др.-русск.», «чеш.», «слвц.», «польск.». См.: М.Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т.III. – М., 1971. – С.770.
- ⁷⁶ См.: J.Jungmann. Slovnik česko-nemecky. –Praha, 1838 (приводится как чешское); Fr.Miklošich. Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinum. –Wien, 1862–1865 (как древнеславянское); A.Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Krakow, 1927 (как польское).
- ⁷⁷ См.: G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.186.
- ⁷⁸ См.: М.Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т.II, С.588–589.
- ⁷⁹ J.Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. – Bern-München, 1959. – S.707.
- ⁸⁰ E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen, S.84.
- ⁸¹ Помимо литературы, цитируемой Ю.Моравчиком (G.Moravcsik. Byzantinoturcica. Bd I), см.: H.Trautmann. Die slavischen Völker und Sprachen, S.22 и сл.; Д.И.Иловайский [Цит. По:] К.Иностранцев. Хунну и гунны, с.106; L.Niederle. Manuel de l'antiquite slave, с.37 (последний называет medū главным напитком славян и приводит много источников, в которых это слово встречается).
- ⁸² G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.186.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ См.: G.Nemeth. Attila es hunjai, с.217-226; Fr.Altheim. Attila und die Hunnen, с.209; Fr.Altheim, R.Stiehl. Das erste Auftreten der Hunnen, с.85 и сл.
- ⁸⁵ Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen. Bd IV, S.59 и сл.
- ⁸⁶ См.: К.Иностранцев. Хунну и гунны, с.106.
- ⁸⁷ См.: М.Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т.II, с.300.
- ⁸⁸ См.: P.Budmani. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T.V. Zagreb, 1898–1903, с.231.
- ⁸⁹ См.: Н.Н.Bielfeldt. Altslavische Grammatik. Halle, 1961, с.47; M.Vasmer. Die Slaven in Griechenland// АВАУ. – 1941. –№12. – С.238, 267.
- ⁹⁰ L.Niederle. Manuel de l'antiquite slave, с.37, примеч.4.
- ⁹¹ Slovnik jazyka staroslověnskeho (15. Praha, 1967, с.43) в качестве старославянского слова из Богемии приводит только kominy 'виноградные выжимки'.
- ⁹² N.S.Deržavin. Die Slaven im Altertum. – Weimar, 1948, S.1–9.
- ⁹³ См.: К.Г.Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979. – С.32.
- ⁹⁴ См.: G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.231.
- ⁹⁵ Там же, с.6.
- ⁹⁶ Там же, с.13.
- ⁹⁷ Там же, с.16.
- ⁹⁸ Ср.: E.A.Thompson. A History of Attila and the Huns. L., 1948. – P.10 и сл.; Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen. Bd IV, S.300, 302.
- ⁹⁹ Иную точку зрения см.: К.Иностранцев. Хунну и гунны, с.103–109.
- ¹⁰⁰ См.: R.Trautmann. Die slavischen Völker und Sprachen, S.22.
- ¹⁰¹ См.: К.Иностранцев. Хунну и гунны, с.103.
- ¹⁰² L.Schönfeld. Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. – Heidelberg, 1911. – S.275.
- ¹⁰³ См.: К.Иностранцев. Хунну и гунны, с.17–50.
- ¹⁰⁴ Т.Моммзен со ссылкой на К.В.Мюлленгофа пишет: Balamber... nomen nemo nisi imperitus pro germanico vendet 'Никто, кроме неопытных, не выдаст это имя за германское. См.: [Комментарий Е.Ч.Скржинской к переводу Иордана в кн.:] Иордан. О происхождении и деяниях гетов, с.323.
- ¹⁰⁵ R.L.Reynolds, R.S.Lopez. Odoacer: German or Hun. – American Historical Review. Vol LII. N.Y. – 1946. – P.50.
- ¹⁰⁶ G.Vernadsky. Der sarmatische Hintergrund der germanischen Völkerwanderung// Saeculum. T.2. – Freiburg, 1951. – S.340–392.
- ¹⁰⁷ G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.85.

¹⁰⁸ Ср.: L.Sadnik, R.Aitzemüller. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Bd I. – Wiesbaden, 1963. – S.129, 131; Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T.I. – Zagreb, 1880–1882, с.379 и др.

¹⁰⁹ См.: Н.Н.Биelfeldt. Altslavische Grammatik, s.25; M.Vasmer. Die Slaven in Griechenland, S.238, 269.

¹¹⁰ G.Vernadsky. Der sarmatische Hintergrund der germanischen Völkerwanderung, S.383.

¹¹¹ См.: G.Doerfer. Türkische und mongolische elemente im Neupersischen. Bd II, статья 810, с.356–358.

¹¹² O.Pritsak. Kultur und Sprache der Hunnen, S.238-249; он же. Ein hunnisches Wort// ZDMG. –Bd CIV. – 1954. – S.124–135.

¹¹³ Сироткин М.Я. Н.И.Ашмарин и чувашская культура, с.17; Каховский В.Ф. Н.И.Ашмарин о происхождении чувашского народа, с.192. См. также: J.Benzing. Zur Etymologie des russ. (o)vrag ‘Schlucht’// ZfsPh. –Bd XX. – 1950. – S.109–111.

¹¹⁴ Fr.Altheim. Attila und die Hunnen, с.209.

¹¹⁵ См.: К.Иностранцев. Хунну и гунны, с.110.

¹¹⁶ E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen, с.63–104.

¹¹⁷ Так считал уже Й.Маркварт, см.: Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen. Bd IV, с.335; а также: Н.-W.Haussig. Probleme der Westwanderung der Hunnen, с.774.

¹¹⁸ A.Thumb, R.Hauschild. Handbuch des Sanskrit. Bd I. Heidelberg, 1958, с.87.

¹¹⁹ E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen, с.86.

¹²⁰ О соответствии $\Rightarrow \sim \Rightarrow$ см.: G.Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd II, статья 906, S.521–523; там же. Bd III. – Wiesbaden 1967. – S.208–210; там же. Bd IV, статья 1921; о соответствии $\ddot{=} \sim \text{va} =$ см.: G.Doerfer. Tschuwaschisch $\Rightarrow \text{m} < \text{urtürkisch} * \Rightarrow \text{m} (< \text{gemeintürkisch} \Rightarrow \text{n})$ // UAJ. Bd 45, 1973.

¹²¹ Fr.Altheim, Н.-W.Haussig. Die Hunnen in Osteuropa, S.23 и сл.

¹²² См.: Г.В.Юсупов. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. –М.-Л., 1960. – таблицы 5, 48.

¹²³ См.: G.Doerfer. Tschuwaschisch $\Rightarrow \text{m} < \text{urtürkisch} * \Rightarrow \text{m} (< \text{gemeintürkisch} \Rightarrow \text{n})$.

¹²⁴ O.Maenchen-Helfen. The Ethnic Name Hun, p.231 и сл.

¹²⁵ См.: К.Иностранцев. Хунну и гунны, с.111–112.

¹²⁶ E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen, S.95.

¹²⁷ Н.-W.Haussig. Theophylakts Exkurs über die skythischen Völker// Byzantion. Vol. XXII. Bruxelles, 1953. – S.360.

¹²⁸ E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen, S.95.

¹²⁹ В этом, видимо, следует согласиться с Г.-В.Хауссигом и Ю.Моравчиком. См.: G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.180.

¹³⁰ Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen. Bd I, s.365; E.Moor. Zur Herkunft der Hunnen, с.95, примеч. 42; E.A.Thompson. A History of Attila and the Huns, p.77.

¹³¹ См., например: J.R.Hamilton. Le conte boudhique du bon et du mauvais prince en version ouïgoure. – P., 1971, с.4, 116.

¹³² Е.С.Рубцова. Материалы по языку и фольклору эскимосов. Ч.1. – М.-Л., 1954. – С.38.

¹³³ См.: ДТС, с.410.

¹³⁴ Там же; см. также: G.Clauson. An Etymological Dictionary of Pre-thirteenth-century Turkish. –Oxford, 1972. – P.614.

¹³⁵ См.: ДТС, с.205; G.Clauson. An Etymological Dictionary, p.266.

¹³⁶ См.: А.v.Gabain. Altтүrkische Grammatik. – Lpz., 1950. – §106.

¹³⁷ См.: ДТС, с.51 и сл.; G.Clauson. An Etymological Dictionary, с.213.

¹³⁸ См.: ДТС, С.92,82; G.Clauson. An Etymological Dictionary, с.323.

¹³⁹ См.: G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.48, 117.

¹⁴⁰ G.Schramm. Eine hunnisch-germanische Namenbeziehung? // Jahrbuch für fränkische Landesforschung. Bd 20. – Erlangen, 1960. – S.144, примеч. 45; Fr.Altheim. Attila und die Hunnen, S.202 и сл., примеч.26.

¹⁴¹ См.: G.Schramm. Eine hunnisch-germanische Namenbeziehung, S.143, примеч.43.

¹⁴² См.: L.Schönfeld. Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen, S.280 (по Проконию).

¹⁴³ См.: E.A.Thompson. A History of Attila and the Huns, с.217 и сл.

¹⁴⁴ Там же, с.72.

¹⁴⁵ O.Pritsak. Die sogenannte Bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren II. – UAJ. Bd XXVI. H.3–4, 1954, с.219; O.Maenchen-Helfen [Рец. На Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen I] // JAOS. –Vol.79. – 1959. – №4, S.298.

¹⁴⁶ Более подробно об этом пишет Фр.Альтхайм, который относит их к еще более раннему времени. См.: Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen. Bd I, S.12 и сл.

¹⁴⁷ G.Moravcsik. Byzantinoturcica, с.17, примеч.3.

¹⁴⁸ Возражение E.A.Томпсону и Фр.Альтхайму см.: E.A.Thompson. A History of Attila and the Huns, p.95; Fr.Altheim. Geschichte der Hunnen. –Bd IV. – S.274–279.

Библиографические сокращения

ДТС	Древнетюркский словарь. Л., 1969.
ИАН	Известия Императорской Академии наук. –Спб.
ABAW	Abhandlungen der (Berliner, d. h.) Preussischen Akademie der Wissenschaften.
AfV	Archiv für Völkerkunde. –Wien.
AM.N.S.	Asia Major. New Series. – L.
АОН	Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest.
B-IJBS	Byzantion. International Journal of Byzantine Studies. – N. Y.
BSOAS	Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London.
CAJ	Central Asiatic Journal. The Hague – Wiesbaden
JA	Journal asiatique. – P.
JAOS	Journal of the American Oriental Society. –Chicago.
SBAW	Sitzungsberichte der (Berliner, d. h.) Preussischer Akademie der Wissenschaften.
UAJ	Ural-Altäische Jahrbücher. –Wiesbaden.
ZDMG	Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. – Lpz.
ZfsIph	Zeitschrift für slavische Philologie.

Аннотация

Г.Дёрфер на широком историческом и лингвистическом материале рассматривает проблему языка европейских гуннов. Автор статьи подробно разбирает гипотезы, бытующие в науке по этому вопросу. Имеющиеся источники не позволяют установить этническую преемственность гуннов, сюнну и восточноазиатского народа хун. Из-за скудости материала по языкам этих народов проблематично как установить их принадлежность к какой-нибудь известной языковой семье, так и доказать их тождество. На основе глубокого анализа источников автор статьи приходит к выводу об отличии языка европейских гуннов от языка сюнну, а также о том, что оба эти языка принадлежали к вымершим языковым группам.

Ключевые слова: зарубежная тюркология, лингвистика, гунны, сюнну, хун.

Summary

G. Derfer considers the problem of language of European hunns on the basis of historical and linguistic material and analyzes the hypotheses on this question existing in science. The available sources do not allow establishing ethnic succession of hunns, suynnu and East Asian people of hun. On account of scantiness of the material on the languages of these people it is difficult both to set their belonging to some famous language family and to prove their identity. On the basis of deep analysis of sources the author of the article draws a conclusion that the language of European hunns differed from the language of suynnu and both of them belonged to dead language groups.

Key words: foreign turkology, linguistics, hunns, suynnu, hun.